

СТАТЬИ

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ*

Академик Е. М. Жуков

Проблема периодизации всемирной истории давно привлекает внимание историков и социологов. Излишне доказывать сложность этой проблемы и вместе с тем ее огромное значение для исторической науки в целом: периодизация исторического процесса помогает его осмыслению, облегчает выявление его внутренних закономерностей и, следовательно, дает возможность научного обобщения.

Вряд ли можно найти историка, который вообще отказался бы от периодизации, каковы бы ни были его субъективные методологические взгляды. Хорошо известно, однако, что по вопросу о научном критерии периодизации всемирной истории среди историков, в особенности тех, которые стоят в целом на идеалистических позициях, существует большое разнообразие взглядов. Само понятие «всемирная история» порождает определенные разногласия или оттенки мнений.

В задачу настоящего доклада не входит обзор довольно большого количества существующих и нередко сталкивающихся концепций и взглядов на проблему периодизации всемирной истории.

Надо думать, что носители некоторых отличных от наших взглядов или несогласные с теми положениями, которые развиваются в данном докладе, примут участие в дискуссии и дадут докладчику материал для полемики.

Основное же содержание доклада заключается в раскрытии и обосновании той периодизации всемирной истории, которая уже принята советскими историками и которая, как нам кажется, разделяется историками-марксистами и в других странах, за пределами СССР.

Прежде всего я хотел бы коротко коснуться самого понятия «всемирная история». Под всемирной историей мы понимаем путь, пройденный человечеством в целом. Всемирная история призвана давать обобщенное (хотя вовсе не абстрактное!) представление о развитии человеческого общества в его поступательном движении от низших ступеней к более высоким. Всемирная история — это история всех народов. При такой постановке предмет всемирной истории, естественно, не может ограничиваться какими бы то ни было условными, чаще всего произвольно отобранными этническими или культурно-историческими комплексами, «цивилизациями». Достаточно хорошо известно, что и в глубокой древности и в более близкие эпохи огромные массы людей находились за пределами сравнительно лучше изученных культурно-исторических комплексов.

Невозможно понять общий ход всемирной истории, отвлекаясь от судеб той части человечества, которая развивалась вне традиционных «цивилизаций».

* Доклад, подготовленный для XI Международного конгресса исторических наук.

Публикуя доклад академика Е. М. Жукова, редакция приглашает читателей журнала принять участие в обсуждении вопросов, поставленных в докладе. Редакция предполагает опубликовать ряд статей или писем читателей, посвященных как периодизации всемирной истории, так и периодизации истории групп стран или отдельных стран, а также критике взглядов буржуазных ученых по этим вопросам.

В современной литературе, конечно, уже редко можно встретить такой явный анахронизм, как деление народов на «исторические» и «неисторические». Но связанная с таким делением тенденция классифицировать народы, исходя из их принадлежности к известным нам (или изобретенным!) «культурным комплексам» и «цивилизациям», удивительно живуча.

Советские историки отдают себе отчет в том, что на данной стадии мобилизации источников практически трудно восстановить во всех ярких деталях исторический путь, пройденный всеми народами. Но советская историческая наука все же добивается того, чтобы выявлять действительную роль во всемирно-историческом процессе каждого народа, безусловно отказавшись от каких бы то ни было субъективных предпочтений одной этнической общности другой. Невозможно ни написать, ни понять подлинную историю человеческого общества, не порвав окончательно с субъективистскими популизмами подменить самый предмет исторического исследования — историю народов — историей государств, религий. Выдавать историю религий или цивилизаций, произвольно отобранных исследователем, за всемирную историю так же антинаучно, как настаивать на архаических представлениях в космогонии, помещавших именно нашу небольшую планету — Землю — в центр вселенной.

Основой научной периодизации всемирной истории является признание общих закономерностей развития человеческого общества. Марксистская историческая наука, которая покоится на гранитном фундаменте диалектического и исторического материализма, исходит из того, что главным определяющим условием существования и развития любого народа, как и общества в целом, во все исторические эпохи, и на заре цивилизации и в наше время, является материальное производство. Необходимость добывать себе пропитание, иметь одежду и жилище (отвечающие местным условиям) практически является единственным, никем не придуманным, но действительно неотъемлемым атрибутом любой человеческой общности, будь то отдельная семья, род, племя, народность или нация, независимо от того, идет ли речь о древнем Вавилоне или о Соединенных Штатах Америки.

Глубокие различия в образе жизни и мышлении самых одаренных профессоров современных исторических факультетов и, скажем, неандертальцев можно объяснить только вполне конкретным различием материальных средств производства в современную эпоху перехода от капиталистической формации к социалистической и в каменном веке.

Марксистская историческая наука различает крупные прогрессивные эпохи в развитии человечества, последовательно сменяющие друг друга, хотя смена эта происходит, как мы увидим, не обязательно прямолинейно. Именно эти прогрессивные эпохи, соответствующие определенным стадиям развития общественного производства, выражают самое общее, генеральное направление поступательного движения общества, то есть исторического процесса в целом.

Человеческое общество существует сотни тысяч лет. Наиболее длительный по времени период, охватывающий много десятков тысячелетий, — это период существования доклассового общества. Первую прогрессивную эпоху во всемирной истории составляет первобытнообщинный строй, возникновение и развитие которого протекало исключительно медленными темпами в условиях незрелых производительных сил и примитивной техники. Все народы, живущие на нашей планете, без какого бы то ни было исключения прошли эту начальную стадию становления общества. Однако первобытнообщинный строй не был абсолютно однотипным, и его возникновение и развитие на земном шаре не было ни одновременным, ни равномерным.

На отдельных территориях, природные условия которых благоприятствовали трудовой деятельности человека, естественно, раньше, чем на

других, складывались объективные предпосылки для того, чтобы не все производимое обществом сразу потреблялось и чтобы создавались определенные излишки. Таким образом, в известных районах возникали условия, способствовавшие постепенному выделению социальной верхушки, сперва лишь распоряжавшейся накопленным общественным богатством по поручению общества, а затем ставшей на путь присвоения этого богатства и противопоставления себя обществу. Процесс разделения общества на классы, появление государства и права были обусловлены конкретным развитием производительных сил, изменявшихся в ходе воздействия человека на природу, совершенствования орудий труда и его организации. Отсюда очевидно, что этот процесс не мог быть повсюду одновременным и равномерным: хотя бы только в силу одного того, что разнообразие природных условий в одних случаях ускоряло, в других тормозило развитие общественного производства и, следовательно, влияло на сроки, темпы и даже формы социальной дифференциации¹.

Тысячелетия потребовались для того, чтобы развитие производительных сил позволило разделиться обществу на классы.

Первой формой классового общества и соответственно второй прогрессивной эпохой в общем развитии человечества явился рабовладельческий строй.

Поскольку экономическое созревание общества в недрах первобытнообщинного строя было неравномерным, внутренние противоречия, приведшие к разложению и распаду этого строя и к замене его новым, классовым, рабовладельческим строем, также развивались неравномерно. Поэтому классовое общество не возникло и не могло возникнуть повсюду одновременно. Оно не было и единообразным.

Первые государственные образования — а это были именно рабовладельческие государства — начали возникать в окружении огромного количества племен, находившихся на различных стадиях развития первобытнообщинных отношений. Надо заметить, что самое возникновение рабовладельческих государств, а затем более быстрые темпы экономического и культурного развития в рабовладельческих обществах оказывали огромное и все возрастающее влияние на значительно более отсталый, но количественно преобладавший мир племен. В свою очередь, племена также воздействовали на рабовладельческие государства.

Историкам достаточно хорошо известно, что рабство существовало в самых различных формах, что наиболее распространенной и архаичной его формой было так называемое патриархальное рабство. Еще более важно напомнить, что население рабовладельческих государств вовсе не состояло из двух лишь категорий: рабовладельцев и рабов. Наряду с этими основными классами первого антагонистического общества значительную часть населения (а во многих случаях и большинство его) составляли свободные земледельцы, продолжавшие отстаивать общинный уклад от посягательств со стороны рабовладельцев. Порабощение, самая примитивная и грубая форма эксплуатации, наталкивалось на ожесточенное сопротивление не только со стороны общинников, но и со стороны окружавших рабовладельческие государства племен, которые были постоянным объектом завоевательных походов рабовладельцев.

Рабство существовало практически повсюду, хотя и в различных формах. Патриархальная форма рабства находила довольно широкое распространение и у племен, которые не дошли еще сами до стадии классового общества, но испытывали на себе мощное воздействие соседних рабовладельческих государств.

Несмотря на то, что рабовладельческие отношения возникали разновременно и далеко не везде становились господствующими, рабовладель-

¹ Само собой разумеется, влияние географической среды на развитие общества никогда не было определяющим.

ческая формация составила важную прогрессивную эпоху в развитии человечества, поскольку она в невиданных ранее масштабах расширила сферу применения труда и двинула вперед развитие производительных сил, создала необходимейшие предпосылки для дальнейшего общественного прогресса.

Необходимо со всей силой подчеркнуть, что хотя прогрессивная смена социально-экономических формаций подготовлялась и в конечном итоге определялась ходом развития производительных сил, она осуществлялась отнюдь не эволюционным, а революционным путем, осуществлялась людьми в ожесточенной борьбе реакционного и прогрессивного, отживавшего старого и нарождавшегося нового.

Переход от первобытнообщинного строя к классовому обществу, представлявший собою гигантский скачок в мировом общественном развитии, носил революционный характер. Ему сопутствовала острая борьба, растянувшаяся на столетия. Рабовладельцам приходилось силой навязывать свое господство. Оценивая политическую борьбу в древних Афинах, Ф. Энгельс считал реформу Клизфена (VI в. до н. э.) революцией, низвергнувшей последние остатки родового строя².

Переход от рабовладения к феодализму — так же как и переход от первобытнообщинного строя к рабовладельческому обществу — не был единообразным и одновременным. Он не был возможен, прежде чем экономически не исчерпал себя рабовладельческий строй и не созрели объективные условия для замены малопродуктивного рабского труда трудом более производительным.

Современное состояние исторической науки позволяет считать, что революционный переход от рабовладения к феодализму впервые происходил в Древнем Китае. По вопросу о точной датировке этого процесса еще нет единства мнений между китайскими учеными. Но некоторые весьма важные положения представляются бесспорными.

Во-первых, как и в Европе, где под ударами рабов, колонов и так называемых варварских племен в конце концов рухнула рабовладельческая Римская империя, раздиравшаяся внутренними противоречиями, задолго до своего конца деградировавшая в социальном, экономическом и культурном отношениях, так и в Китае рабовладельческий строй был уничтожен в результате совместной революционной борьбы рабов и свободного крестьянства.

Во-вторых, борьба носила весьма длительный характер, растянувшись на несколько столетий. Трудности, связанные с датировкой победы феодального способа производства в Китае, в значительной степени обусловлены именно тем, что столкновения противоположных классовых интересов в течение длительного времени не приводили к решающему результату. На огромной территории Китая имело место временное сосуществование различных социально-экономических укладов. Потребовалось немало туров революционного натиска на рабовладельческий строй для того, чтобы он окончательно потерпел крушение.

В-третьих, широкие народные массы свергали рабовладельческий строй в результате стихийного взрыва ненависти и гнева в отношении угнетателей со стороны угнетенных. У восставших в силу их социальной природы не было ни единой четкой программы, ни политической партии. Их предводители руководствовались преимущественно личными мотивами, добываясь для себя власти и богатства. Главным объединяющим моментом была чисто негативная программа — стремление разбить и уничтожить ненавистное рабовладельческое государство.

Наконец, в-четвертых, феодальные отношения, завоевавшие положение господствующего уклада, приводили к замене одних эксплуататоров другими и накладывали на основную массу населения путы новой, феодальной эксплуатации.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. М. 1952, стр. 256.

Тем не менее феодальное общество было значительным шагом вперед по сравнению с рабовладельческим. Производительные силы получили новый мощный толчок. Открылись перспективы дальнейшего подъема земледелия и ремесла. Пробивало себе дорогу промышленное производство, которое, что особенно важно, по мере своего распространения обнаруживало преимущества наемной рабочей силы перед использованием труда рабов или крепостных.

Феодальный строй, как и рабовладельческий, характеризовался многообразием конкретных форм и проявлений, обусловленных местными особенностями. К. Маркс различал, например, специфические азиатские формы феодальных отношений³. Эта общая черта углублялась неодинаковым сочетанием феодальных отношений в разных странах как с пережитками и остатками предшествовавших социально-экономических укладов (первобытнообщинные или рабовладельческие отношения), так и с зародышевыми формами будущих капиталистических отношений.

На смену феодальному обществу пришло общество капиталистическое, зародившееся и созревшее в рамках феодального строя. Вполне естественно, что и победа капиталистического способа производства не могла быть единовременным актом.

Хорошо известно, что начальные формы капиталистических отношений возобладали в городах Италии еще в XIII—XIV веках. Нидерландская революция XVI в., несомненно, носила характер общенародной борьбы против иноземного владычества, но она имела глубокие социально-экономические корни — развитие капиталистических отношений. В середине XVII в. произошла английская буржуазная революция. Несмотря на свой компромиссный характер, английская революция разрушила, по выражению К. Маркса, все старые экономические формы, соответствовавшие им общественные отношения и политический строй. Капиталистические отношения победили в наиболее развитой европейской стране. И хотя эта победа не получила немедленно отклика в других странах, она, несомненно, подготовила торжество новых, буржуазных порядков, продемонстрировав их силу и жизнеспособность.

Наконец, в конце XVIII в. произошла Великая французская буржуазная революция, открывшая историческую полосу ликвидации феодализма и торжества капитализма.

В отличие от условий свержения рабовладельческого строя, когда революционный натиск народных масс носил стихийный и неорганизованный характер, буржуазные революции происходили в иной обстановке. Народные массы, выступавшие против феодальных твердынь, имели свою политическую программу, свои партии, свою организацию. Тем не менее здесь необходимо подчеркнуть одно важное обстоятельство, которое имеет принципиальное значение. Народные массы, составлявшие главную движущую силу буржуазных революций, как правило, не могли воспользоваться плодами своих усилий и жертв. Эти плоды пожинала сравнительно узкая эксплуататорская верхушка, стремившаяся ограничить цели, поставленные революцией, лишь одним — ликвидацией рогаatok для частного предпринимательства. Если подобная цель достигалась путем компромисса с феодалами, крупная буржуазия с большой готовностью шла на такой компромисс. Она без малейших колебаний жертвовала при этом интересами народных масс, мало беспокоясь об их судьбе. Интересы индивидуального собственника, психология «священного эгоизма», завуалированная рассуждениями о свободе личности, были возведены в принцип, оказались высшим законом новой, капиталистической цивилизации.

³ В знаменитом «Предисловии» к работе «К критике политической экономии» К. Маркс писал: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 7).

Энгельс писал о трех крупных, решающих битвах европейской буржуазии против феодализма. Первой он считал Реформацию в Германии, наиболее радикальным последствием которой была великая крестьянская война 1525 года. Второй великой битвой была, по Энгельсу, английская революция. И третьей — французская революция XVIII века⁴.

Эти три крупнейших революционных события сближает прежде всего огромная активность народных масс, в особенности крестьянства и городского плебса. Энгельс писал, что «во всех трех великих буржуазных революциях боевой армией являются крестьяне. И именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоеванной победы неизбежно разоряется в результате экономических последствий этой победы»⁵. Действительно, активнейшее участие крестьян, в особенности в первых двух случаях — в Германии и в Англии, — позволило нанести чувствительные удары феодальной реакции, на что сама буржуазия не решалась. И именно против интересов народных масс, в том числе против крестьянства, оказались объективно направлены ближайшие последствия революции. После поражения великой крестьянской войны немецкое крестьянство было беспощадно подавлено и закрепощено. Английские йемены через 100 лет после Кромвеля почти исчезли с лица земли вообще. Французский крестьянин, ставший рабом парцеллы, да еще вдобавок обескровленный в наполеоновских походах, оказался лишенным всякой экономической самостоятельности.

Другой общей чертой трех вышеназванных буржуазных революций, отмеченной Ф. Энгельсом, было то, что хотя буржуазия выступала от имени всего народа, но при каждом крупном движении возникали самостоятельные акции того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таковы были анабаптисты и Томас Мюнцер в Германии, диггеры в Англии, Бабеф и его сторонники во Франции. Буржуазия достигала определенных целей в революции для себя руками народа, и наиболее дальновидные, передовые представители народа уже видели ограниченность поставленных буржуазией целей.

Буржуазия никогда не добилась бы разрешения даже своих узких классовых задач ни в английской, ни во французской революциях, если бы народные массы не опережали буржуазию, если бы революция, по выражению Энгельса, не зашла значительно дальше цели⁶.

Первой победоносной революцией, утвердившей господство буржуазии, была английская революция XVII века. В этом ее непреходящее всемирно-историческое значение. Великую французскую буржуазную революцию отделяет от английской полтора столетия. За это время феодально-крепостнические отношения еще отчетливее обнаружили свою гнилость и внутреннюю слабость. Французские буржуазные революционеры не нуждались в том религиозном плаще, в котором выступали их немецкие и английские предшественники. Французская революция XVIII в. была наиболее последовательной, наиболее решительно покончившей с феодальными порядками.

Революционность буржуазии достигла своего зенита во французской революции.

Но и эта великая революция показала, во-первых, что народ, то есть городской плебс и крестьяне, составили основную армию революции, что они были главной революционной силой, обеспечившей разрешение поставленных антифеодальных задач; во-вторых, что уже в ходе революционных событий происходило расщепление, расхождение интересов буржуазии и народа; в-третьих, что предшественники современного пролетариата формулировали уже свои, отличные от буржуазных, интересы

⁴ См. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II, стр. 94—98.

⁵ Там же, стр. 95.

⁶ См. там же.

и, в-четвертых, что буржуазия, добившись руками народа осуществления своих целей в революции, поспешила совершить контрреволюционный переворот. Реставрация 1660 г. и так называемая «славная революция» 1688 г. переключаются с термидором и воцарением Бонапарта. Один из важных исторических уроков состоит в том, что по мере созревания сил своего грозного спутника — рабочего класса — буржуазия все дальше и дальше отшатывалась от своих прежних демократических идеалов и вступала в союз с представителями самой махровой реакции.

Бурный подъем производительных сил, выдающийся прогресс в области науки, техники и культуры принесла с собой капиталистическая эра в мировой истории. Однако быстрый взлет капитализма сопровождался исключительно резким обострением неразрешимых внутренних противоречий, вследствие чего период подъема был коротким и вскоре последовала столь же быстрая деградация и упадок.

В отличие от предшествовавших социально-экономических формаций, срок существования которых измерялся тысячелетиями, капитализм прошел все фазы своего развития — от зарождения до старости — за 3—4 столетия. При этом знаменательно, что период безусловного господства капиталистического способа производства занял немногим более 100 лет.

Это само по себе — яркое свидетельство гигантского ускорения темпов исторического процесса, показатель того, что в производительных силах общества, являющихся главным двигателем прогресса, произошли и продолжают происходить радикальные изменения революционного характера.

Капитализм победил в результате нескольких революций, отделенных одна от другой столетиями, однако одна из последних — революция 1848 года — уже непосредственно смыкается с революционной борьбой пролетариата, направленной против капитализма.

Первая пролетарская революция произошла во Франции в 1871 году. Она не победила и не могла победить, так как буржуазное общество еще не исчерпало тогда всех своих возможностей. Парижские коммунары, несмотря на свой героизм, были лишены революционного авангарда — партии, не смогли обеспечить руководства крестьянством и повести за собою непролетарские слои народа. Но Парижская коммуна навсегда останется в мировой истории знаменательной вехой, свидетельствовавшей уже тогда о приближении человечества к эре ликвидации классового общества, основанного на эксплуатации.

Эта новая эра наступила с переходом капитализма в свою последнюю, империалистическую фазу — фазу крушения буржуазного общества.

В 1905 г. российский пролетариат возглавил народную революцию, которая получила живейший отклик на всех континентах. Это была первая в мировой истории революция, в которой рабочий класс, руководимый передовой партией, взял на себя роль вождя широких народных масс, прежде всего крестьянства, в борьбе против полуфеодальной и капиталистической эксплуатации. Революция 1905—1907 гг., как известно, потерпела поражение прежде всего потому, что революционные выступления рабочих и крестьян происходили не в едином потоке, а одновременно, и это позволило реакции собрать все свои силы и подавить движение. Но революция 1905 г. оставила неизгладимый след, как всемирно-историческое событие, самым непосредственным образом повлиявшее на судьбы народов Европы и Азии, как преддверие Великой Октябрьской социалистической революции, свершившейся в 1917 г. в России.

Полстолетия отделяет французскую буржуазную революцию конца XVIII в. от революции 1848 года. Несколько меньший период — 34 года лежит между первой попыткой установить диктатуру пролетариата — Парижской коммуной и революцией 1905—1907 гг. в России. Ускоре-

ние темпов исторического развития все больше и больше сокращало сроки существования капитализма как единой, всеохватывающей мировой системы.

Через 10 лет после поражения первой русской революции произошли сперва Февральская, а затем Октябрьская революция 1917 г., открывшая новую эпоху в истории человечества — эпоху социализма.

Широчайшие народные массы, осуществившие в октябре 1917 г. революционный переворот, не только не были отодвинуты на задний план и лишены плодов своей победы, как всегда бывало при самых великих буржуазных революциях. Напротив, эти массы стали полновластными вершителями своей собственной судьбы.

Октябрьская революция в России стала отправной точкой, исходным моментом для становления новой, наиболее передовой социально-экономической формации — социалистической. Именно в этом состоит гигантское всемирно-историческое значение Октябрьской революции, как бы установившей водораздел между антагонистическими системами прошлого и новыми путями в развитии человечества.

Последовательная смена социально-экономических формаций — первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и становление социалистической — представляет собою незыблемую основу единого и закономерного исторического процесса.

Именно таков логический путь поступательного движения человечества. Конкретная история людей следует этому логическому пути, направляется выраженной в нем закономерностью. Но логическое всегда пробивает себе путь через толщу конкретно-исторических «случайностей», которые приводят к той или иной модификации, к тем или иным специфическим формам проявления общих и единых закономерностей.

Некоторые критики марксистского понимания исторического процесса изображают дело таким образом, будто бы марксизм «обедняет» историю, искусственно укладывает ее в прокрустово ложе социологических схем, объясняет все исторические события автоматическим действием экономических законов. Это, конечно, карикатурное изображение марксизма, не имеющее ничего общего с действительностью.

Объективные законы общественного развития действуют отнюдь не механически. Они проявляются только через посредство конкретной деятельности людей, народных масс, являющихся подлинными творцами истории. Большая или меньшая активность народных масс, распространенность передовых или реакционных идей, конкретные соотношения сил старого и нового, проявляющиеся в деятельности классов, партий, оказывают стимулирующее или тормозящее воздействие на ход исторического процесса. Историческое развитие никогда не бывает схематичным, однотонным, прямолинейным. В конкретном жизненном пути отдельных стран или народов нередко можно обнаружить явления более или менее длительного застоя или даже регресса, а также другие частные и временные отклонения от общей закономерности, от логического. Равным образом трудно себе представить существование социально-экономических формаций в чистом виде, без разного рода «примесей», преимущественно в виде сохранившихся остаточных укладов прошлого или зародышевых форм будущего.

Марксистская периодизация всемирной истории имеет своей теоретической основой смену социально-экономических формаций, но она отнюдь не сводится к ней.

Нельзя периодизировать всемирную историю, исходя из одного признака — существования той или иной социально-экономической формации. Это невозможно, поскольку народы нашей планеты одновременно проходили определенные стадии исторического процесса. Достаточно напомнить, что и теперь, в современную нам эпоху, на земном шаре не только сосуществуют социализм и капитализм, но в ряде стран сохраня-

ются еще различные виды феодальных, рабовладельческих и первобытнообщинных отношений.

Поэтому марксистская периодизация всемирной истории, которая, естественно, не может игнорировать реальное многообразие социально-экономических отношений, существующих одновременно, не отказывается от использования традиционного условного подразделения истории на древнюю, средневековую, новую и новейшую. Однако эти понятия расширяются в соответствии с марксистским пониманием закономерностей развития общества.

Советские историки полагают, что рубежами, разделяющими древнюю, средневековую, новую и новейшую историю — при всей условности такого подразделения, — являются такие крупнейшие исторические события, которые знаменуют революционный переход от одной социально-экономической формации к другой. Иначе говоря, вехами всемирной истории служат такие события, которые свидетельствуют о поступательном движении человечества от сравнительно низших к более высоким формам организации общества.

В соответствии с этим под древней историей понимается наиболее длительный по времени этап развития человечества, характеризующийся господством первобытнообщинных отношений, их разложением и упадком, возникновением и развитием на этой основе первой антагонистической формации — рабовладельческого строя. Поскольку неравномерность исторического процесса исключает возможность установления единых для всех стран и народов хронологических рубежей, советская историческая наука принимает в качестве условной конечной даты периода древней истории крушение в V в. н. э. Римской империи — одного из крупнейших рабовладельческих государств мирового масштаба, оказывавшего огромное воздействие на окружавшие его племена и народы Европы и значительной части Азии и Африки. Эта условная дата — с теми или иными отклонениями — отражает революционные перемены, которые происходили и в других районах земного шара, в частности в странах Восточной Азии. Как мы уже указывали, имеются веские основания полагать, что феодальные отношения значительно раньше сложились в Китае. Однако современный уровень исследования не позволяет остановиться на какой-либо точной дате.

Различная степень феодализации так называемых варварских племен Европы, сыгравших столь важную роль в революционном ниспровержении рабовладельческого Рима, глубокий кризис рабовладельческого хозяйства, в частности появление колоната, ярко свидетельствовали о том, что во всемирной истории человечества действительно произошел важный перелом.

Поэтому сама по себе условная дата падения Римской империи (410 г.; 476 г.) представляется достаточно обоснованной для того, чтобы служить водоразделом между древней и средневековой историей.

Если древняя история была в основном эпохой существования доклассового общества и рабовладельческого строя, эпохой их острейшей борьбы, кризиса и крушения, то средневековая история в основном (но не целиком) совпадает с существованием и господством феодальной формации.

Условной конечной гранью средневековья советская историческая наука принимает середину XVII в., исходя из того, что к этому времени феодализм экономически уже начал изживать себя, став тормозом дальнейшего развития производительных сил. Именно поэтому английская буржуазная революция привела к победе новых, более передовых, капиталистических отношений над феодальными в одной из крупных стран мира. Ростки капитализма подымались и во многих других странах.

Некоторые марксистские историки склонны считать, что французская буржуазная революция конца XVIII в. была бы более точным рубежом

между средневековой и новой историей. Они ссылаются на тот общеизвестный факт, что французская революция послужила толчком и примером для целого ряда успешных антифеодальных выступлений в Европе и не только в Европе. В данном случае спор идет не о принципе, который должен быть положен в основу периодизации всемирной истории — он никак из марксистов не оспаривается, — а о выборе конкретной условной даты. Нам все-таки кажется, что методологически правильнее датировать новую историю от того события, которое впервые показало воочию несостоятельность старых, феодальных производственных отношений и продемонстрировало возможность и необходимость их революционной замены новыми, капиталистическими, то есть от английской революции XVII века. В этой связи здесь уместно напомнить, что американская война за независимость, которая, по существу, также была буржуазной революцией и значение которой во всемирной истории никак нельзя недооценивать, имела место до Великой французской революции. К тому же и после французской революции капитализм победил феодализм не сразу и далеко не везде. Остаточные формы феодальных и дофеодальных отношений в некоторых районах Африки, Азии, Полинезии и Латинской Америки дожили до наших дней.

Конечной гранью новой истории, которая в основном совпадает с господством капиталистического строя, советские историки считают 1917 год — год первой в мире победоносной социалистической революции, происшедшей в России.

В отличие от капитализма, который вызревал в недрах феодального общества, социалистические производственные отношения начинают складываться в результате сознательной планомерной деятельности людей только после революционного свержения капитализма. Капиталистическая формация оставляет после себя в наследство лишь некоторый строительный материал, необходимый для того, чтобы человечество могло приступить к сооружению величественного здания социализма.

От момента Октябрьской революции 1917 года до построения социалистического общества, то есть становления новой, социалистической формации в России, прошло приблизительно 20 лет. Этот срок оказался минимально необходимым для того, чтобы, победив экономический хаос, оставшийся от прошлого, преодолев огромные трудности, обусловленные иностранной интервенцией и гражданской войной, народы Советского Союза смогли заложить прочный фундамент нового, социалистического общества. Потребовалось еще около одного десятилетия для того, чтобы молодая социалистическая общественно-экономическая формация появилась на международной арене уже как система социалистических государств.

Неоспоримо, что 1917 год открыл перед человечеством новую историческую эпоху, которую мы именуем «новейшая история». Независимо от того, долго ли будет существовать капитализм или другие, еще более архаичные формы производственных отношений в той или иной части планеты, определяющим моментом в развитии всемирной истории является факт появления социализма, который неуклонно растет и оказывает влияние на все народы.

Марксистская периодизация всемирной истории, принятая советскими историками, как следует из вышеизложенного, отправляется от факта закономерности и следствия экономического процесса, проявляющихся в последовательной смене социально-экономических формаций. Вместе с тем необходимо еще раз подчеркнуть, что при общей тенденции к последовательной смене всех социально-экономических формаций у всех народов некоторые из них при определенных условиях могут миновать отдельные ступени общего поступательного движения человечества. Так, в частности, большинство славянских и германских племен миновали рабовладельческую формацию и перешли от первобытнооб-

шинных отношений непосредственно к феодализму. Среди народов, входящих в состав Советского Союза, есть такие, которые миновали капиталистическую формацию и перешли от феодальных отношений непосредственно к социализму. Как правило, это объясняется тем, что внутренние «частные» закономерности развития каждого народа иногда модифицируются под мощным воздействием внешней среды, подчиняются более общим закономерностям общественного развития. Первые государственные образования у германцев и славян складывались в то время, когда рабовладельческий строй переживал уже глубочайший кризис и когда в недрах распадавшихся рабовладельческих империй малопродуктивный рабский труд постепенно уступал дорогу сравнительно более производительному труду зависимых крестьян. Это способствовало развитию у славян и германцев именно феодальных отношений, а не отживавших рабовладельческих. Ранее отставшие в своем развитии народы, входившие в состав окраинных областей бывшей Российской империи, сохранявшие феодальные и даже патриархальные отношения, после победы социалистической революции в России пошли не по дискредитировавшему себя мучительному капиталистическому пути, а по пути социалистическому.

Для всемирной истории человечества характерно неуклонное нарастание взаимосвязи и взаимовлияния всех стран и народов.

Если для древнейших эпох это взаимовлияние было сравнительно невелико и лимитировалось контактами непосредственных соседей, то уже в классовых обществах — в рабовладельческом, феодальном и особенно в капиталистическом — экономические и культурно-политические связи самых отдаленных районов стали обычными. Естественно, что это способствовало не только ускорению темпов исторического развития, но и тому, что общие закономерности этого развития начали выявляться более рельефно, с меньшим количеством частных отклонений. Общение народов вообще подрывает иллюзорные представления о существовании якобы особых, специфических законов развития европейцев и азиатов, чернокожих и белых и т. п. Эти законы всегда являются общими, хотя форма проявления их иногда и не совпадает.

Именно это важное обстоятельство подтверждает марксистскую периодизацию всемирной истории, которая исходит из того, что социальные революции — «локомотивы истории», употребляя выражение К. Маркса⁷, возвещающие победу новых социально-экономических отношений над старыми, не носят локальный характер, а образуют узловые моменты общего мирового исторического процесса и, следовательно, одинаково важны для понимания исторических судеб всех народов на всех континентах.

Необходимо остановиться еще на одном вопросе — о соотношении общей периодизации всемирной истории с более частной периодизацией истории отдельных эпох, а также стран и народов. Несомненно, ни один историк не в состоянии удовлетвориться таким крупноплановым подразделением всемирной истории, о котором шла речь. Историки древнего мира, историки-медиевисты, историки нового и новейшего мира не могут обойтись без внутренней периодизации соответствующих разделов исторической науки. Точно так же специалисты по истории отдельных стран обязательно нуждаются в обоснованном внутреннем хронологическом членении исторического материала.

Что касается принимаемых нами условно больших исторических периодов (например, история нового времени), то их внутренняя периодизация, естественно, должна исходить из тех же принципов, на которых строится периодизация всемирной истории. Иначе говоря, история нового времени подразделяется прежде всего на такие крупные внутрен-

⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. М. 1952, стр. 185.

ние периоды, которые соответствуют фазам развития господствующей социально-экономической системы, то есть капитализма. Исторические события, характеризующие процесс подъема капиталистических отношений, их успешной борьбы с феодализмом и окончательной победы над ним, естественно, образуют первый период (с возможными более мелкими подразделениями) новой истории. Соответственно в т о р о й период охватывает время полного господства капитализма, превращения его в мировую систему и одновременно выявления органически присущих капиталистическому производству острейших внутренних противоречий, проявляющихся, в частности, в экономических кризисах и нарастающих классовых боях. Наконец, т р е т ь и й период обнимает десятилетия, связанные с деградацией капитализма, переходом его в империалистическую стадию, с мировыми войнами и с созревaniem предпосылок социалистической революции.

Иначе говоря, периодизация должна помогать выявлению внутренних закономерностей исторического процесса в соответствующую эпоху и отпираться от главного — состояния и развития производительных сил.

Периодизация истории отдельных стран и народов также не может не исходить из этих общих принципов, хотя, разумеется, она должна быть более индивидуализирована, отражая специфические формы проявления общих закономерностей. Массовые социальные движения, отражающие активность народа — главного творца истории, — несомненно, образуют важнейшие вехи внутренней истории каждой отдельной страны.

Советская историческая наука уделяет большое внимание вопросам периодизации исторического процесса как в масштабе всемирной истории, так и в более частных его проявлениях. Это связано с постоянным стремлением советских историков вскрыть внутреннюю логику исторических событий, обнаружить подлинные движущие пружины и закономерности общественного развития.

Нет сомнения, что в этой сложной, но плодотворной работе весьма полезно было бы объединение творческих усилий представителей исторической науки самых различных стран. Советские историки горячо приветствовали бы сотрудничество в этом направлении.

